

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ СОСТОЯНИИ

Как свидетельствует судебная практика, многие преступления представляют собой своеобразные «парадоксы душевной жизни», далеко не всегда и не в полной мере осознаваемые виновным, что обусловлено, в частности, все возрастающими в нашем обществе психическими перегрузками, невротизацией и психопатизацией личности. Становится очевидной актуальность проблемы неосознаваемой психической деятельности. Понять внутреннее содержание преступления невозможно без изучения так называемого бессознательного поведения, т.е. «действия, совершаемого автоматически, рефлекторно, когда причина его не успела дойти до сознания (например, реакция защиты и т.п.), а также при естественном и искусственном отключении сознания (во сне, при гипнозе, в состоянии сильного опьянения, при лунатизме и пр.)» [15, с. 47].

Значение бессознательного в науке уголовного права до сих пор основательно не рассматривалось, хотя некоторые юристы проявляли известный интерес к изучению неосознаваемой психики [7, с. 4, 5]. В связи с этим важно отметить, что бессознательное так же, как и сознание, является формой отражения реальной действительности; в формировании поведения человека неосознаваемые формы высшей нервной деятельности участвуют наряду с сознаваемым, их нельзя противопоставлять друг другу. Бессознательное поведение так же, как и сознательное, является проявлением личности, ее взглядов, установок, моральных принципов, но оно может иметь место лишь при особых обстоятельствах [4, с. 70].

В этом плане сохраняет свою актуальность давний спор об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии глубокого физиологического алкогольного опьянения. Известно, что употребление алкоголя даже в сравнительно малых дозах уже вызывает кратковременное нарушение высшей нервной деятельности, когда ослабляется воля, утрачиваются рассудочность действий и обдуманность поступков [5, с. 62, 63]. Отсюда так часты при опьянении всевозможные импульсивные, рефлекторные, безмотивные и бесцельные действия [6, с. 95]. Однако это опьянение в отличие от опьянения патологического не исключает уголовной ответственности.

В юридической и медицинской литературе нет единой оценки оснований уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии физиологического опьянения. Некоторые психиатры (И.Н. Введенский, А.Н. Бунеев и др.) считают, что лицо в состоянии опьянения даже в глубокой его степени всегда способно отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими [13, с. 192]. Другие же (И.Ф. Случевский, В.А. Гиляровский и др.), исходя из учения Г.И. Ковалевского, полагают, что физиологическое опьянение может вызывать такие изменения психики, при которых лицо утрачивает способность осознавать свои поступки и контролировать поведение. В работах отдельных криминалистов по этому поводу выдвинуты различные соображения. Так, Г.А. Мендельсон и Ю.М. Ткачевский решали этот вопрос исключительно в плане «вменяемости или невменяемости» лица. Человек, даже будучи в сильном опьянении, не является душевнобольным, поэтому он должен быть признан вменяемым и должен нести уголовную ответственность [10, с. 78]. А.Б. Сахаров обосновывал наличие вины такого лица в «удлинении субъективной связи», которая соединяет вредные последствия с фактом злоупотребления алкоголем [11, с. 222-225]. По мнению же Н.С. Лейкиной и Б.С. Бейсенова, лицо, совершившее преступление в глубоком опьянении, должно отвечать не за содеянное во время опьянения, а за сознательное и добровольное приведение себя в подобное состояние [1, с. 92; 9, с. 120, 121].

Применительно к состоянию опьянения иногда используют термин «фактическая невменяемость» [3, с. 128]. Так, считают, что лица, совершившие в таком состоянии преступление, «виновны в совершенном деянии, хотя и были в тот момент невменяемыми» [1, с. 91; 2, с. 106, 107]. Считаем, что согласиться с этим нельзя, так как в этих случаях отсутствует медицинский критерий невменяемости. При невменяемости личность субъекта «не участвует» в действиях лица, которые выступают как болезненный акт, симптом определенной патологии. И напротив, деяние в состоянии опьянения представляет собой реализацию установок личности, выражает ее социальные позиции, а следовательно, является актом личности, ее поступком. Фактическое отсутствие сознания и воли в момент поступка не означает невменяемости еще и потому, что во всех рассматриваемых случаях лицо могло либо не допустить возникновения состояния опьянения либо путем волевых усилий не допустить самого поступка.

Ответственность за совершение преступления в состоянии глубокого опьянения должна определяться по принципу *actio libera in causa*, который охватывает не только случаи опьянения, но и дру-

гие состояния, когда лицо во время совершения общественно опасного деяния не может отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими. Как указывает Т.В. Церетели, хотя в момент причинения вредного последствия лицо находится в состоянии беспамятства, однако это состояние виновно вызвано самим действующим лицом [16, с. 16, 17]: например, кто-либо с намерением совершить преступление доводит себя до глубокого опьянения и в таком состоянии совершает преступление, или мать с намерением лишь покормить грудного ребенка кладет его с собой в постель и, заснув, задавливает его [8, с. 71]. С такой же ситуацией мы имеем дело и когда стрелочник, перед приходом поезда напившись до бесчувствия, не переводит стрелку, в результате чего поезд терпит крушение [14, с. 507] и т.п.

В случаях *actio libera in causa* вина лица со стадии совершения действия или бездействия переносится на предшествующее поведение, т.е. в ту стадию, когда умышленно или неосторожно было создано бессознательное состояние, в частности, состояние опьянения. Именно это последнее положение было предусмотрено, например, в первых советских УК (ст. 17 УК РСФСР 1922 г. и ст. 10 УК УССР 1927 г.). Этот институт продолжает существовать в ряде зарубежных стран (Австрия, Греция, Швейцария) [12, с. 407, 408; 622, 623]. Такая норма отсутствует в действующем УК Украины. Практика, основываясь на прямом указании ст. 14 УК, решает вопрос об ответственности лиц, совершивших преступления при глубоком опьянении, не задумываясь о том, была ли у лица вина в момент нахождения его в бессознательном состоянии. Представляется, что это существенное упущение: ведь в теории уголовного права имеются по этому вопросу достаточно четкие суждения. Так, А.А. Габияни пишет, что в подобных случаях «... субъективное основание ответственности (вина в форме умысла или неосторожности по отношению к деянию и его общественно опасным последствиям) переносится на предшествующий момент приведения себя в это состояние, когда субъект является способным к избирательному поведению» [2, с. 97]. Основная особенность здесь состоит в том, что лицо совершает преступление путем добровольного приведения себя в бессознательное состояние.

В этом состоянии преступления могут быть совершены как путем бездействия, так и активного действия. При бездействии, как писал еще Н.С. Таганцев, «объективным основанием ответственности будет факт неисполнения закона; субъективным – сознаваемое и волимое поставление себя в невозможность исполнить требование закона, или же небрежное отношение к исполнению или неиспол-

нению того, что он должен был учинить» [14, с. 508]. Что касается ответственности за действие при *actio libera in causa*, то следует иметь в виду не только случаи, имевшие место на практике (например, когда лицо, задумавшее убить потерпевшего, специально приведшее себя в состояние глубокого опьянения, зарубило топором свою жертву), но и ту психологическую цепочку, которая складывается в его сознании. Приведший себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление в случае исполнения им задуманного виновен в том, что сделал все от него зависящее для наступления желаемого последствия, заранее обдумав свои будущие действия и в процессе опьянения (до полного его наступления) психологически настроив себя на его совершение. Ведь лица, намеренно приведшие себя в состояние опьянения, приступают к осуществлению своего замысла сознательно, а дальнейшие бессознательно выполненные ими действия фактически подчиняются регуляции инертной установки, исходят из антиобщественного намерения, антиобщественных мотивов [1, с. 99].

При *actio libera in causa* в действиях виновного возможны как умысел, так и неосторожность. «Если мать заспит своего младенца, – писал М.М. Исаев, – то разрешение вопроса об ее ответственности за смерть ребенка будет зависеть от установления того состояния, в котором она находилась, когда укладывалась спать; знала ли она, что спит во сне беспокойно, сознавала ли она возможность задушения ребенка во время своего сна и т.д. В зависимости от всех обстоятельств дела может быть установлена форма ее вины, вина может быть неосторожной, если она не знала о своих «повадках» во время сна, но должна была знать, вина может быть умышленной, если она действовала, укладываясь спать, с прямым или косвенным умыслом «заспать ребенка» [8, с. 71].

В итоге, ответственность за *actio libera in causa* определяется с учетом наличия вины. Последняя здесь лишь переносится со стадии совершения действия или бездействия на предшествующее поведение, когда лицо привело себя в бессознательное состояние или сознательно допустило его возникновение.

С целью конкретизации данного вопроса, представляется необходимым внести в УК Украины статью примерно такого содержания:

«Лицо, совершившее преступление в состоянии, когда оно не отдавало себе отчет в своих действиях или не могло руководить ими, подлежит уголовной ответственности, если это состояние было создано умышленно или по неосторожности самим этим лицом».

Список литературы: 1. Бейсенов Б.С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1981. – 200 с. 2. Габиани А.А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. – 159 с. 3. Горелик И.И. Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия // Вопр. уголовного права и процесса. – Минск: Изд-во БГУ, 1958. – С. 23-27. 4. Дагель П.С. Проблема бессознательного и некоторые вопросы вины в уголовном праве // Учен. зап. Дальневост. ун-та, 1968. – Т. 14. – С. 69-83. 5. Даньшин И.Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. – Харьков: Вища шк., 1971. – 192 с. 6. Затуловский М.И. Судебно-психиатрическая оценка состояния опьянения // Пробл. судебной психиатрии. – Сб. 5. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1946. – С. 90-126. 7. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. – Харьков: Вища шк., 1986. – 166 с. 8. Исаев М.М. Вопросы уголовного права и процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1948. – 270 с. 9. Лейкина Н.С. К вопросу об обосновании уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Вестн. ЛГУ: Сер. экон., филос. и права. – Л.: Изд-во ЛГУ. – Вып. 2. – 1958. – № 11. – С. 117-127. 10. Мендельсон Г.А., Ткачевский Ю.М. Алкоголизм и преступность. – М.: Юрид. лит., 1959. – 136 с. 11. Сахаров А.Б. О личности преступника и о причинах преступности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1961. – 278 с. 12. Современное зарубежное уголовное право / Под ред. А.А. Пионтковского. – Т. 3. – М.: 1961. – 758 с. 13. Судебная психиатрия / Под ред. А.Н. Бунеева. – М.: Юрид. лит., 1954. – 378 с. 14. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву: Ч. Общая. – Спб., 1888. – 974 с. 15. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963. – 544 с. 16. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1963. – 379 с.